

Что переоценил Владимир Путин? Вопросы к выступлению президента.

Кроме понятных эмоций, случившееся в Беслане оставило массу вопросов (от самого «Зачем нам ввали о количестве заложников» до «Что же за взрывы спровоцировали начало самой горячей фазы»).

Конечно, субботнее выступление президента, которого многие очень ждали еще тогда, когда драма с заложниками не завершилась, не могло, да и не должно было на эти вопросы ответить — многое может быть не понятно и верховной власти России, слишком уж стремительно все развивалось.

В выступлении президента не могло не быть слов скорби, соболезнования и возмущения. Все это было... Но было и много других слов — вполне содержательных, причем порождавших ничуть не меньшее количество вопросов.

Конечно, каждое политическое действие можно попытаться трактовать как политехнологическое, как пытающееся вызвать какую-то общественную эмоцию, укрепить или ослабить чьи-то позиции — и в этом, наверное, есть свой резон. Но куда более важным кажется попытаться понять прямой смысл высказывания, а также содержащиеся в нем знаки, но не те, которые являются отголосками битв под ковром, а отсылающих к реальным акцентам политического курса.

«Все последние дни каждый из нас глубоко страдал и пропустил через свое сердце все, что происходило в российском городе Беслане».

Очень важный акцент — «российский» город Беслан. Не просто город, не североосетинский город, а российский. Основной адресат выступления — россияне, за последние дни явно выучившие, что Беслан находится в нашей стране. И, несмотря на это, звучит напоминание: это не где-то там, у них — на Кавказе. Это у нас, в единой стране. Акцент на единстве, консолидации возникнет еще не раз.

«Мы живем в условиях, сложившихся после распада огромного, великого государства. Государства, которое оказалось нежизнеспособным в условиях быстро меняющегося мира».

Вполне воспроизводится указание на то, что СССР был «великим» государством, однако президент дает однозначно понято, что речь не может идти об искусственном развале страны, осуществленном извне или изнутри — процесс был объективным — нежизнеспособная структура должна была умереть.

«Но, несмотря на все трудности, нам удалось сохранить ядро этого гиганта — Советского Союза. И мы назвали новую страну Российской Федерацией».

Несмотря на то, что Россия в СССР и так называлась Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой, «мы назвали страну Российской Федерацией». Акцент на том, что имя такое было дано вполне сознательно. Поскольку прилагательное «Российская» вопросов вызывать вообще не может, вероятно, подчеркивается сознательность установки на федерацию.

«Но ко многому, что изменилось в нашей жизни — оказались абсолютно не подготовленными».

Ситуация опасная уже для России: чуть раньше было подчеркнуто, что условием нежизнеспособности СССР стала неготовность к условиям «быстро меняющегося мира».

«Мы живем в условиях переходной экономики, и не соответствующей состоянию и уровню развития общества, политической системы».

То, что экономика у нас переходная — тезис вполне очевидный, а, вот, заявленное несоответствие политической системы «состоянию и уровню развития общества» не может не вызвать вопросов. Что имеется в виду?

Поскольку президент время о времени говорил о недостающей поддержке гражданского общества, можно предположить, что уровень развития общества может казаться Путину несколько недостаточным (и с этим трудно спорить). В таком случае, политическая система, вероятно, по мнению президента, слишком опережает уровень развития общества. Причем, судя по контексту, упомянутое несоответствие явно оценивается как негативное (т.е. опережение политической системы — не стимул для развития подотставшего общества, а просто неуместная неприглядность).

«Мы живем в условиях обострившихся внутренних конфликтов и межэтнических противоречий, которые раньше жёстко подавлялись господствующей идеологией».

Вновь заметно двоякое восприятие старых времен и действовавшей системы: конфликты и противоречия выплескивались меньше, но и способы борьбы с ними, как кажется, воспринимаются не слишком позитивно. Как будто бы заметно дистанцирование от господствовавшей идеологии.

«Мы перестали уделять должное внимание вопросам обороны и безопасности, позволили коррупции поразить судебную и правоохранительную сферы».

Это традиционные камешки в адрес ельцинского этапа. Теперь оборона и безопасность в фаворе — бюджетные расходы растут, забота верховного главнокомандующего проявляется постоянно.

Характерно, что в связи с коррупцией упомянуты правоохранительная (см. кампанию «оборотней в погонах») и судебная (где этого и правда хватало, но кампании пока не было) сферы, но «оборона» и «безопасность» тут исчезают.

«Кроме того, наша страна — с некогда самой мощной системой защиты своих внешних рубежей — в одночасье оказалась не защищенной ни с Запада, ни с Востока».

Утверждение достаточно интересное. Известно, что унаследованная от СССР часть российской границы никогда нигде не исчезала — ни в одночасье, ни за более длительное время. Другой вопрос, что у России почти «в одночасье» (на самом деле везде кроме Прибалтики довольно постепенно) в качестве государственных статуйровались бывшие административные границы с бывшими братскими республиками. Они действительно есть и на Востоке, и на Западе.

В каком смысле Россия не защищена по линии этих нововозникшим границ? Есть известный вопрос не до конца контролируемой миграции. Есть вопрос с вхождением экс-прибалтийских республик в НАТО. Что имеется в виду?

Поскольку международный терроризм, как правило, служит приложением к политическому исламу (т.е. исламу) вроде бы речь должна идти о границах в Азии и на Кавказе. Последние и правда часто возникали в связи с проблемой Чечни — до какого-то момента фигурировал Азербайджан, потом вроде бы отпавший, довольно регулярно звучи Панкиси, хотя там новая Грузия вроде бы провела свою зачистку, да и на какие-то совместные акции тоже вроде бы готова.

Но интересно, что как раз наиболее горячий рубеж на Юге не удостоился вовсе упоминания — в отличие от западного.

«В общем, нужно признать то, что мы не проявили понимания сложности и опасности процессов, происходящих в нашей собственной стране и в мире в целом.

Во всяком случае, не смогли на них адекватно среагировать».

Какие процессы в стране и мире казались простыми, а оказались более сложными, да еще и опасными? Может, слом биполярной системы, повышение в этой ситуации роли разного рода сетевых структур, действие которых нельзя свести к интересам какого-то определенного государства.

Какой должна была быть «адекватная реакция»? Гораздо более контролируемая миграция людей? А, может, идей? Разворачивание идейного собственного нового идейного наступления?

«Проявили слабость. А слабых — бьют.

Одни — хотят оторвать от нас кусок пожирнее, другие — им помогают. Помогают, полагая, что Россия — как одна из крупнейших ядерных держав — еще представляет для кого-то угрозу. Поэтому эту угрозу надо устранить.

И терроризм — это, конечно, только инструмент для достижения этих целей».

Это один из самых интересных и непрозрачных фрагментов выступления. Есть здесь вещи более или менее традиционные: терроризм — только инструмент, Россия для кого-то представляет еще угрозу, слабым — бьют и т.д. Однако возникает ряд загадок. Скажем, кто именно хочет оторвать кусок пожирнее? Чеченские сепаратисты? Скажем честно: то, на что они претендуют — далеко не самый жирный кусок. В смысле: нефти не так много, золота и алмазов не видно и т.д. Япония? Не смешно. Кто-то другой?

Кто те самые «другие», помогающие оттяпать «кусочек пожирнее»? Если первые — чеченские сепаратисты, то под вторыми можно подразумевать либо западные круги, настаивающие на политическом решении конфликта, либо «террористический интернационал».

Соответственно не слишком ясен вопрос, инструментом в чьих же собственно руках являются террористы? Явно намек делается не только на чеченских сепаратистов (если считать, что первые все же они), но и на тех, кто их поддерживает. Если речь идет об «Аль-Каиде» или подобных структурах, — утверждение вполне банально. Если же о каких-то западных кругах, — крайне радикально.

«... это не вызов президенту, парламенту или правительству. Это — вызов всей России. Всему нашему народу.

Это — нападение на нашу страну».

Т.е. не надо это воспринимать как акцию против какой-то конкретной политики конкретного президента, правительства или парламента. Нападение осуществляется как бы вне зависимости от конкретной политики, поскольку — на всю страну. А на страну нападают извне.

Отсюда намек, разворачиваемый ниже: нельзя воспринимать эту войну ни как гражданскую — между гражданами одного и того же государства, исповедующими разные представления о путях его развития, ни как национально-освободительную — там задача только отстоять свою независимость, а не сбросить противника в море (арабские фашисты) или уничтожить часть расово неполноценных, а остальных подчинить (немецкие фашисты).

«Как президент, глава Российского государства, как человек, который дал клятву защищать страну, ее территориальную целостность, и просто как гражданин России я убежден, что в действительности никакого выбора у нас просто нет. Потому что стоит нам позволить себя шантажировать и поддаться панике — мы погрузим миллионы людей в нескончаемую череду кровавых конфликтов, по примеру Карабаха и Приднестровья и других хорошо известных нам трагедий».

Важно, что в качестве главного аргумента против выполнения каких-то требований террористов приводится не абстрактная ценность целостности страны или поддержания конституционного порядка на всей ее территории, а стремление избежать еще большей крови, нежели та, которой пытаются на уstrasить сейчас.

«Нельзя не видеть очевидного. Мы имеем дело не с отдельными акциями устрашения, не с обособленными вылазками террористов. Мы имеем дело с прямой интервенцией международного террора против России. С тотальной, жестокой, полномасштабной войной, которая вновь и вновь уносит жизни наших соотечественников».

Очевидно, что происходящие в течение считанного времени теракт на Каширке, два авиатеракта, теракт на Рижской и захват заложников в Беслане меньше всего выглядят случайно совпавшей по времени цепочкой одиночных событий.

Здесь впервые в тексте место анонимных сил занимает «международный терроризм», впрочем, не до конца проясняя ответ на уже поставленные вопросы. Важный момент, уже отмеченный наблюдателями: в тексте Чечня, какие-либо чеченские силы не упоминаются ни разу.

Что такое тотальная, полномасштабная война? Это предупреждение звучащего ниже указания на то, что сил профессионалов заведомо не хватит. Если война объявлена всей стране, значит каждый гражданин этой страны автоматически становится или солдатом, или работником тыла.

«Весь мировой опыт показывает, что такие войны, к сожалению, быстро не заканчиваются. В этих условиях мы просто не можем, не должны жить также беспечно как раньше. Мы обязаны создать гораздо более эффективную систему безопасности, потребовать от наших правоохранительных органов действий, которые

были бы адекватны уровню и размаху появившихся новых угроз.

Не слишком понятно, какую именно более эффективную систему безопасности и какие действия правоохранительных органов имеет в виду президент. Не совсем понятно и то, какие именно угрозы являются новыми. Скорее можно говорить о нарастании интенсивности террора.

Но самое главное — это мобилизация нации перед общей опасностью. События в других странах показывают: наиболее эффективный отпор террористы получают именно там, где сталкиваются не только с мощью государства, но и с организованным, сплоченным гражданским обществом».

Если в президентском Послании 2003 года к Федеральному Собранию звучали отчасти изолированно нотки «консолидации» и угроз, если в последний год повеяло мобилизационными проектами в экономике, то здесь достаточно четко и ясно выдвинут лозунг мобилизации нации, общества «перед общей опасностью». Причем, мобилизации отнюдь не кратковременной («такие войны, к сожалению, быстро не заканчиваются»).

Где именно террористы получают «наиболее эффективный отпор» за счет сплочения перед общей угрозой гражданского общества? Возможно, речь идет об Израиле, где основные действия по борьбе с терроризмом вызывают относительный общественный консенсус. В остальных местах все довольно сложно.

Некоторым нашим руководителям и общественным деятелям, судя по их организационной активности очень понравилась картина миллионов испанцев, вышедших на улицы после терактов в электричках. Правда, здесь мы опять бездумно копируем западный опыт. Большинство вышедших тогда на улицы протестовали не только против террора, но и против правительства, пытавшегося замести его исламистские следы. Более того, испанцы тогда проголосовали ногами, а потом и бюллетенями за удовлетворение требований террористов - вывод испанских войск из Ирака. Тогда Владимир Путин при всем, мягко говоря, неоднозначном отношении к иракской операции выразил свою обеспокоенность подобным прецедентом фактически удачного террористического шантажа.

Вряд ли Юрий Лужков, Валентина Матвиенко или Илья Клебанов, организуя митинги против террора, имеют в виду фрондировать подобным образом. Возможно, они надеются подобным образом на организаторов терактов.

«Те, кто послал бандитов на это ужасное преступление — ставили своей целью стравить наши народы, запугать граждан России, развязать кровавую междоусобицу на Северном Кавказе».

Названное Путиным в качестве целей, конечно, таковым быть не может. То, что президент (в широком смысле — с аналитикам и т.п.) попытался, исходя из анализа действий боевиков, реконструировать — заведомо средства, а не цели. Что же цель? Если «те, кто послал» — чеченские сепаратисты: вероятно, отгрызть у ослабленной России часть Кавказа. Если имеется в виду «террористический интернационал» — ослабив Россию, сделать более уязвимым весь Запад и обеспечить более эффективную мировую экспансию. Если имеется в виду Запад... Так или иначе точка поставлена слишком рано. Вопрос о целях / «заказчиках» остался за кадром.

«Первое. В ближайшее время будет подготовлен комплекс мер, направленных на укрепление единства страны.

Второе. Считаю необходимым создать новую систему взаимодействия сил и средств, осуществляющих контроль за ситуацией на Северном Кавказе.

Третье. Необходимо создать эффективную антикризисную систему управления — включая принципиально новые подходы к деятельности правоохранительных органов».

Еще один клубок загадок. Единство страны — достаточно трудно уловимая материя и не очень понятно, каким может быть «комплекс мер» по его укреплению. Во всяком случае с момента окончания кампании по «укреплению вертикали власти», когда никакие регионы больше не пытаются даже намекать на свою самостоятельность.

Может, речь идет о пропаганде дружбы народов и днях одних регионов в других — дело неплохое, хотя с поправкой на качество исполнения, боюсь, что заведомо бесполезное. Продолжение укрупнения регионов здесь тоже мало чем поможет.

Претензии к взаимодействию различных федеральных сил на Северном Кавказе вполне понятны и

оправданы. Но система этого взаимодействия менялась уже неоднократно. Разные ведомства за эту координацию отвечали. Будет назначено очередное из существующих, создано еще одно или придумана совершенно новая схема?

Что такое «эффективная антикризисная система управления» — тоже не ясно. Равно как и «принципиально новые подходы к деятельности правоохранительных органов». Возможно, речь идет о принятии еще более жесткого антитеррористического законодательства.

«... все эти меры будут проводиться в полном соответствии с Конституцией страны».

Пусть нет никаких определенных намеков на то, в каком собственно направлении пойдут объявленные изменения, зато выставлен ограничитель — действующая Конституция. Правда, как мы помним по реформе Совета Федерации, толковать один и тот же законодательный документ можно так же широко, как Библию или труды классиков марксизма-ленинизма.

«...испытания еще больше сблизили нас, заставили многое переоценить».

К сожалению, осталось не совсем понятным, что именно удалось переоценить: характер каких изменений в стране и в мире, типы угроз, их авторство, способы противостояния угрозам...

«Только так — мы победим врага!»

И самый ключевой момент: что такое победить в нашем случае? Сделать так, чтобы больше никто не посылал смертников или боевиков, захватывающих мирных людей? Этого очень хотелось бы.

Беда, правда, в том, что если врагом оказывается не какая-то локальная сила, а международный терроризм, то его можно и необходимо побеждать, но в сколько-нибудь обозримые сроки нельзя победить. И, признав себя участником этой войны, рано или поздно этот тезис, вероятно, придется объяснить своему народу. А также пояснить точнее, какие именно силы предполагаются стоящими за террористами и какие именно меры, так решительно проанонсированные в этом выступлении, власть намерена предпринять.

Автор: Борис Долгин © ПОЛИТ.РУ СТРАНА , РОССИЯ 👁 6463 07.09.2004, 14:43

URL: <https://babr24.com/?ADE=15234> Bytes: 17022 / 17022 [Версия для печати](#) [Скачать PDF](#)

Поделиться в соцсетях:

ДРУГИЕ СТАТЬИ В СЮЖЕТЕ: ["ЗАХВАТ ШКОЛЫ В БЕСЛАНЕ 1 СЕНТЯБРЯ 2004 Г."](#)

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: @bur24_link_bot

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)